

Л. В. Клименко, О. Ю. Посухова

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕКАРИАТИЗАЦИИ ТРУДА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Статья посвящена исследованию гендерных аспектов прекариатизации социально-трудовых отношений в современной России. На основе анализа статистических данных за период 2005—2015 гг. показывается, что прекариатизации подвергаются женщины, работающие на условиях неполной занятости; недозанятые работницы; женщины, попадающие в гендерно-сегрегированные профессиональные ниши неформальной экономики (торговля, пошив и ремонт одежды, репетиторство, уборка, присмотр и уход за детьми, престарелыми, больными). Причем в последние годы в зону прекариатизированного труда попадает все большее количество квалифицированных женщин с высшим профессиональным образованием. Мужчины также массово включены в те виды и формы трудовых отношений, которые характеризуются нестабильностью и социальной незащищенностью. Они преобладают среди временно занятых работников, самозанятых, сверхзанятых. За последние 15 лет в неформальной экономике практически в два раза увеличилась доля мужчин, которые занимаются преимущественно строительством, сельскохозяйственными работами, транспортными услугами.

Ключевые слова: прекариатизация, гендерная сегрегация, неформальная занятость, самозанятость, временная занятость, недозанятость, сверхзанятость.

DOI: 10.21064/WinRS.2017.1.3

L. V. Klimenko, O. Yu. Posukhova. Gender aspects of precarization of labour in Russian society

The article investigates the gender aspects of precarization of social and labor relations in modern Russia. Based on the analysis of statistical data for the 2005—2015 period it shows that precarization against women working part-time, underemployed women, fall into gender segregated occupational niches of the informal economy (trade, sewing and mending, tutoring, housekeeping, child care and caring for children, elderly, sick). In recent years, the increasing number

© Клименко Л. В., Посухова О. Ю., 2017

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-18-10306 «Профессиональная идентичность жителей мегаполиса в условиях прекариатизации российского общества».

Клименко Людмила Владиславовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры международного бизнеса, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, lucl@yandex.ru (Cand. Sc., Associated Professor at the Department of International Business, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia).

Посухова Оксана Юрьевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры регионалистики и евразийских исследований, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, belloks@yandex.ru (Cand. Sc., Associated Professor at the Department of Regional and Eurasian Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia).

of qualified women with higher education get into precarization labour zone. Most men are also included in the types and forms of labor relations, which are characterized by instability and social insecurity. They predominate among the temporarily employed workers, the self- and overemployed. Over the past 15 years the proportion of men mainly engaged in the construction, agricultural work, transportation services has increased almost twice in the informal economy.

Key words: precarization, gender segregation, informal employment, self-employment, occasional employment, underemployment, overemployment.

Постановка проблемы

Заместитель председателя Правительства РФ О. Ю. Голодец три года назад озвучила оценку, согласно которой в российской экономике 38 млн человек трудоспособного возраста «непонятно, где заняты, чем заняты, как заняты» (см.: [Товкайло, 2013]). Череда экономических кризисов в России (2008—2009 гг., 2014—2015 гг.) обострила асимметричность взаимоотношений работников и работодателей. Количество рабочих мест с 1991 по 2015 г. сократилось на 8,1 млн [Российское общество..., 2015]. Фиксируется ухудшение ситуации с соблюдением социально-трудовых прав работников, рост трудовой нагрузки, который не сопровождается повышением оплаты труда, расширение неформальной занятости и пр. Все эти явления характеризуются как процесс прекариатизации социально-трудовых отношений.

Обычно под *прекариатизацией* понимается деформация/кризис трудовых отношений, выражающийся в возникновении многочисленных групп работников, постоянно занятых временным, негарантированным трудом, что связано с ущемлением социально-трудовых прав этой категории населения и уязвимостью, ненадежностью их социального положения [Шкаратан и др., 2015; Бобков и др., 2015; Наемный работник..., 2015].

Прекариатизация социально-трудовых отношений — мировая проблема. По оценкам специалистов Организации экономического сотрудничества и развития, более половины экономически активного населения мира, что составляет 1,8 млрд человек, работают без заключения контрактов и без социально-трудовых гарантий [Федорова, Яковлева, 2014]. В настоящее время в Германии около пятой доли всех работников трудятся на условиях нестандартной занятости, во Франции, Голландии и Греции — около четверти трудоспособного населения (по данным за 2010 г.) [Гасюкова, 2015; Gialis, Tsampra, 2015]. Неопределенность, непредсказуемость и рискованность все больше характеризуют труд американской рабочей силы [Kidder, 2016]. Очень ярко процессы деформации структуры занятости проявились в Японии, Южной Корее, где на условиях нестабильной занятости трудятся от 40 до 50 % экономически занятых [Стэндинг, 2014; Pilling, 2014].

По данным официальной статистики, в России в 2015 г. численность нестабильно занятого населения составляла около 9 % от всех наемных работников [Федеральная служба..., 2015]. Однако, по мнению экспертов, подобные показатели не отражают реальную ситуацию, сложившуюся на рынке труда. По оценкам специалистов, численность постоянно занятых временным, негарантированным трудом составляет от 30 до 40 % экономически активного населения [Голенкова, Голиусова, 2013: 7; Тощенко, 2015: 4], что в абсолютных цифрах превышает население некоторых европейских стран.

Прекариатизация социально-трудовых отношений проявляется в разных формах. Формы неустойчивой занятости — работа на условиях срочных трудовых договоров, неполная занятость, эпизодическая/случайная работа, самозанятость, неформальная занятость, работа в теневом секторе. Работа с полной формальной занятостью, но в плохих санитарных условиях, физически тяжелые, вредные виды работ, невыполнение работодателем своих зарплатных обязательств также прекариатиизируют социально-трудовое положение современного человека. Новые формы нестандартной занятости — аутсорсинг и аутстаффинг, лизинг персонала, подбор временного персонала — тоже часто предполагают ущемление социально-трудовых прав работников, при том что не все они способствуют рациональному использованию рабочего времени и развитию инновационной экономики [Цыганкова и др., 2004].

В разных странах прекариатизации подвергаются различные группы населения. Но в наибольшей степени риску переместиться в зону прекариатизированного труда подвержены молодежь и люди старшего возраста, женщины и мигранты. Исследование характера трудовых отношений в российском обществе показывает отчетливую разницу в заработной плате мужчин и женщин, неравенство при найме на работу или при увольнении с работы, дискриминацию в доступе к определенным профессиям или должностям, а также при продвижении по службе [Калабахина, 2009; Мальцева, Рошин, 2007; Рошин, Солнцев, 2006]. Как указывает М. Чен, существует тесная взаимосвязь между такими статусами, как быть бедной, быть женщиной и работать в неформальной экономике (см.: [Хоткина, 2003: 32]).

Однако не так часто исследователи говорят об ухудшении положения мужчин, которые под влиянием процессов деформации традиционных видов занятости и экономических кризисов сталкиваются с серьезными экономическими и профессиональными трудностями. Потеря работы, трудоустройство с понижающимся уровнем заработной платы, квалификационной, карьерной позицией очень сильно личностно фрустрируют и социально маргинализируют мужскую часть населения [Мещеркина, 2002; Ашвин, 2001]. «Бедный мужчина лишен этих важнейших признаков гендерной компетентности и, таким образом, “размаскулинивается”» [Тартаковская, 2002: 116].

Общемировые тенденции прекариатизации труда накладываются на существующую в российском обществе гендерную сегрегацию социально-трудовых отношений, поэтому чрезвычайно важным является анализ гендерного измерения их прекариатизации.

Гендерное измерение прекариатизации социально-трудовых отношений в России

Современный экономический кризис, сокращение производства, рост безработицы и нестабильность рынка труда привели к нарастанию флексибельности социально-трудовых отношений в российском обществе — распространению неустойчивых, зачастую нарушающих трудовые права работника принципов в сфере оплаты труда и организации рабочего времени. В сфере найма и перемещения работников происходит упрощение правил и процедуры увольнений, перевода на худшие принципы оплаты и условия труда. Обеспечивая работодателю большую степень адаптированности к условиям экономической неопределенности, падения

покупательской способности, новые неустойчивые принципы и формы социально-трудовых отношений для многих российских работников в итоге обернулись социальной незащищенностью и нестабильностью, отчуждением не просто от средств производства и результатов труда, но и от работодателя.

Диверсификация традиционных форм трудовых отношений в российской экономике под влиянием процессов прекариатизации проявляется в динамических и структурных показателях распространения неустойчивой занятости (временная, неполная занятость, эпизодическая/случайная работа, самозанятость, неформальная занятость и пр.). Рассмотрим гендерные аспекты прекариатизации социально-трудовых отношений с середины 2000-х гг. по настоящее время.

Формы неустойчивой занятости. Необходимо предварительно отметить, что численность экономически активного населения (15 лет—72 года) в гендерных группах схожая. По данным Росстата на 2015 г., в стране насчитывалось 39,4 млн работающих мужчин и 37,1 млн женщин. В то же время удельный вес работников мужского пола составляет 71,3 % от численности всех мужчин, тогда как экономически активных женщин у нас 62,0 %.

Исследователи Высшей школы экономики указывают, что в России доля временно занятых (работающих по трудовым контрактам на срок не более года или выполняющих определенный объем работ, участвующих в сезонной, случайной или разовой работе) возросла с 2,4 % в 1996 г. до 11,1 % в 2004 г. [Гимпельсон, Капелюшников, 2005]. В последние годы, по данным официальной статистики, доля занятых неполное время, напротив, сократилась с 1,1 % в 2005 г. до 0,9 % в 2015 г. и в настоящее время составляет около 568 тыс. человек (рис. 1).

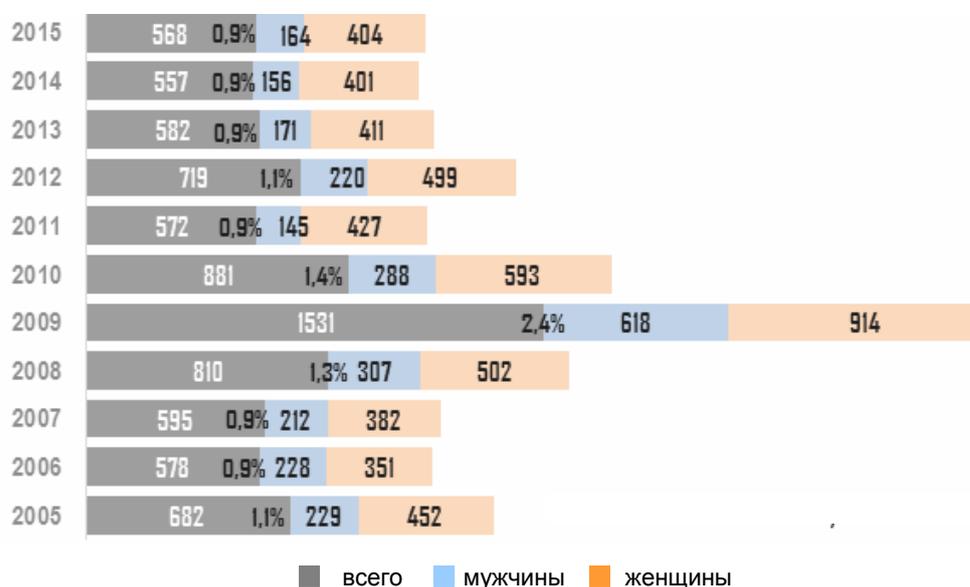

Рис. 1. Численность занятых неполную рабочую неделю, тыс. чел. и % от общего числа занятых в РФ [Федеральная служба..., 2015]

Анализ гендерной структуры данной категории работников показывает, что в группе занятых неполную неделю доминируют женщины (их в среднем в 2 раза больше, чем мужчин). Под влиянием экономического кризиса 2008—2009 гг. наблюдается значительный рост (в 1,7 раза) численности временно занятых как мужчин, так и женщин.

В России численность экономически активного населения, работающего по временным трудовым договорам (не больше года), составляла в 2015 г. 2,7 млн человек. По данным Росстата, динамика временной занятости также снизилась с 6,5 % в 2005 г. до 4,2 % в 2015 г. (рис. 2). Необходимо отметить, что в связи с изменением Росстатом методики исследований по проблемам занятости, в последние годы из статистических наблюдений исключены данные о работниках, оформленных по договорам на определенный объем работ, что несколько занижает численность работающих по временным договорам.

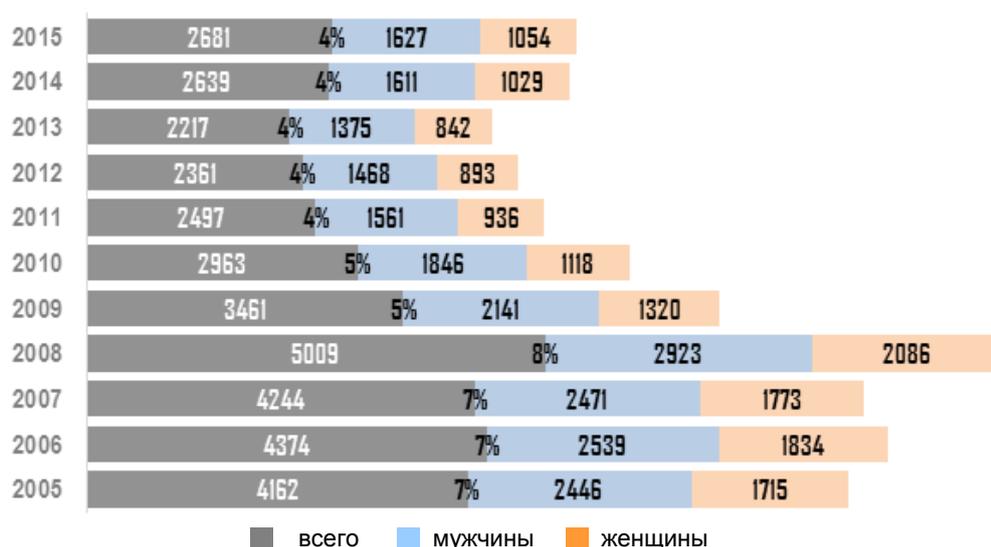

Рис. 2. Численность занятых по временному трудовому договору, тыс. чел. и % от общего числа занятых в РФ [Федеральная служба..., 2015]

Гендерная структура работающих по временному трудовому договору характеризуется численным преобладанием мужчин в среднем в 1,5 раза. Фиксируется увеличение количества временных работников в период экономического кризиса 2008—2009 гг.

Статистика по самозанятым (занимающиеся индивидуальной трудовой деятельностью) показывает рост численности данной категории работников. По данным Росстата, в 2006 г. доля самозанятых составляла 7,2 % от работающего населения, в 2015 г. данный показатель вырос до 8,2 %. В настоящее время в России свыше 5 млн самозанятых. В гендерном измерении в этой группе работников преобладают мужчины (их в среднем в 1,5 раза больше, чем женщин) (рис. 3).

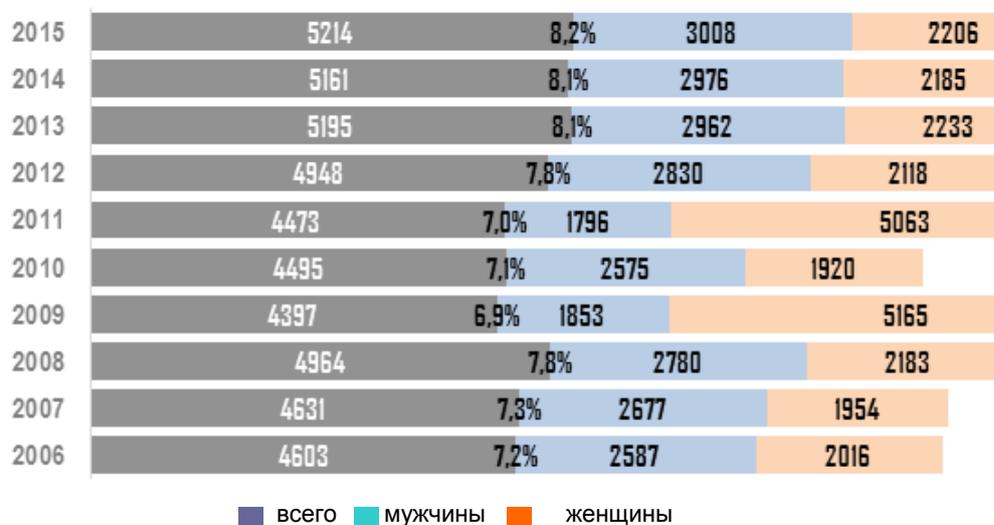

Рис. 3. Численность самозанятых, тыс. чел. и % от общего числа занятых в РФ
[Федеральная служба..., 2015]

Если посмотреть на другое измерение нестандартных форм занятости в российском обществе, выраженное в статистике длительности рабочего времени, то можно увидеть, что в целом по стране численность *недозанятых* (работающие менее 30 часов в неделю) практически не меняется. В 2006 г. таких работников было 3,9 млн человек, в 2015 г. — 3,8 млн человек. Гендерная структура незанятых отличается устойчивым доминированием женщин (их в среднем в 1,5 раза больше, чем мужчин) (табл. 1). Эта характеристика коррелирует с показателями устойчивого преобладания женщин в группе занятых неполную неделю. Данное обстоятельство во многом определяется сложившейся практикой занятости женщин домашним хозяйством, уходом за детьми, престарелыми родственниками и пр., что не позволяет им полноценно включаться в профессиональную деятельность.

Таблица 1

Численность незанятых и сверхзанятых в РФ, тыс. чел.
[Федеральная служба..., 2015]

Категория работающих	Год									
	2015	2014	2013	2012	2011	2010	2009	2008	2007	2006
Недозанятые:										
всего	3833	3624	3807	3655	3218	3644	4384	4342	4007	3940
мужчины	1458	1375	1437	1386	1266	1425	1764	1678	1481	1502
женщины	2375	2249	2370	2269	1952	2220	2621	2664	2526	2438
Сверхзанятые:										
всего	4888	4838	4527	4260	3748	4195	5126	6416	6108	5512
мужчины	3316	3285	3061	2877	2501	2735	3401	4120	3947	3557
женщины	1572	1553	1466	1382	1248	1458	1726	2296	2161	1955

С другой стороны, официальные данные по численности *сверхзанятых* (работающие более 40 часов в неделю) показывают доминирование в этой группе мужчин (их в среднем в 2 раза больше, чем женщин). Хотя с 2006 по 2015 г. количество сверхзанятых работников снижалось (с 5,5 млн до 4,9 млн человек), удельный вес данной категории работников в России в целом оставался высоким, составляя более 5 %. Кроме того, на многих предприятиях переработанные часы не отражаются в отчетности, что существенно занижает данные официальной статистики по сверхзанятым.

По методологии Росстата, занятые в *неформальном секторе* — лица, которые работают, по меньшей мере, в одной из производственных единиц неформального сектора независимо от их статуса занятости и от того, являлась ли данная работа для них основной или дополнительной. В качестве критерия определения единиц неформального сектора принят критерий отсутствия государственной регистрации в качестве юридического лица.

Если раньше неформальная занятость рассматривалась как удел низкоквалифицированных работников отсталых стран [Нуреев, Ахмадеев, 2015: 16], то в настоящее время под воздействие процессов прекариатизации в неформальный сектор попадает все большее число образованных и квалифицированных работников. По мнению специалистов Сбербанка, неформальные трудовые отношения сейчас полностью утратили свои зарплатные преимущества. «Неформальная занятость — альтернатива безработице, а не формальной занятости» [Россия... , 2014].

В соответствии с данными Росстата, численность россиян, занятых в неформальном секторе, выросла с 8,2 млн человек в 2001 г. до 14 млн человек в 2015 г. В свою очередь, динамика неформально занятых в долевых показателях составила 12,5 % в 2011 г. и 19,4 % в 2015 г. (рис. 4). По оценкам Центра макроэкономических исследований Сбербанка России, число неформально занятых по нижней границе составляет около 20 млн человек, или четверть экономически активного населения, также существует еще около 4 млн самозанятых [там же].

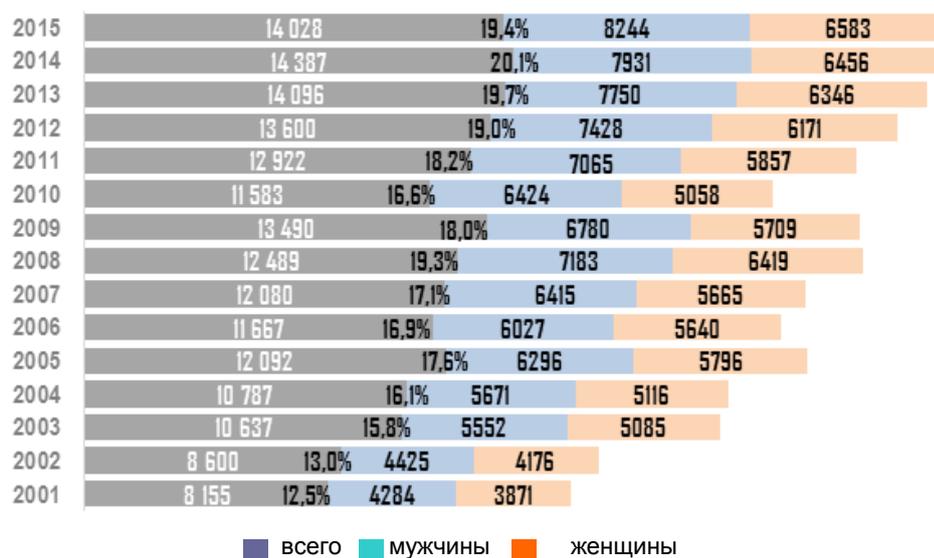

Рис. 4. Занятые в неформальном секторе, тыс. чел. и % от общей численности занятого населения (по данным Росстата) [Федеральная служба... , 2015]

Гендерная специфика неформальной занятости в России проявляется в численном преобладании в неформальном секторе мужчин (их в среднем в 1,2 раза больше, чем женщин). Можно также отметить, что в периоды экономических кризисов возрастает число россиян, которые переходят в неформальный сектор. С предшествующего кризису 2007 г. по 2008 г. количество неформально занятых мужчин увеличилось на 768 тыс. человек, женщин — на 710 тыс. человек. С 2014 по 2015 г., на фоне общего небольшого уменьшения неформального сектора, число мужчин в этой группе выросло больше чем на 300 тыс. человек, что вдвое больше, чем в женской подгруппе.

Деформализация трудовых отношений получает все большее распространение из-за невозможности устроиться на работу с формализованными контрактами и гарантированными социально-трудовыми правами. В последние годы в зону прекариатизации попадают квалифицированные кадры. По официальным данным, за последние 10 лет практически в 2 раза увеличилась доля неформально занятых, которые имеют высшее профессиональное образование: с 10,9 % в 2005 г. до 18,0 % в 2015 г. В неформальный сектор вынуждено уходить большее количество квалифицированных женщин, чем мужчин. По состоянию на 2015 г. в группе неформально занятых насчитывалось 15,6 % мужчин и 19,0 % женщин с высшим профессиональным образованием.

Таблица 2

**Структура занятых в неформальном секторе в 2015 г.
по видам экономической деятельности, % [Федеральная служба... , 2015]**

Вид деятельности	Структура занятых по полу		
	Всего	Мужчины	Женщины
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	23,1	22,9	23,3
Рыболовство и рыбоводство	0,3	0,6	0,1
Добыча полезных ископаемых	0,1	0,2	0,0
Обрабатывающие производства	8,8	9,7	7,7
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,3	0,4	0,1
Строительство	11,7	19,3	2,2
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, предметов личного пользования	31,8	22,7	43,3
Гостиницы и рестораны	3,2	1,5	5,3
Транспорт и связь	9,2	14,8	2,1
Финансовая деятельность	0,2	0,2	0,4
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	4,1	4,6	3,5
Образование	0,8	0,3	1,4
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	1,0	0,6	1,4
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	5,4	2,3	9,3
<i>Всего</i>	100	100	100

Типичными видами неформальной деятельности выступают торговля, строительные и ремонтные работы, уборка, присмотр за детьми, уход за больными, репетиторство и пр. [Хоткина, 2003: 29]. По данным за 2015 г. в структуре неформального сектора наиболее емкими по количеству занятых являются оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспорта, бытовых изделий и др. Практически здесь трудится каждый третий деформализованный работник (31,8 %). Значительна доля неформального труда в сельском и лесном хозяйстве (23,1 %), строительстве (11,7 %), в сфере транспорта и связи (9,2 %), на обрабатывающем производстве (8,8 %) (табл. 2).

Показательно, что в неформальном секторе гендерная сегрегация по отраслям выражена ярче, чем в формальной экономике. На неформальных основаниях в строительстве заняты 19,3 % мужчин и только 2,2 % женщин, в сфере транспорта и связи — 14,8 и 2,1 % соответственно. Женщины преобладают в торговле (22,7 % мужчин и 43,3 % женщин) и сфере социальных и персональных услуг (2,3 и 9,3 % соответственно).

Выводы

Кризисные явления в российской экономике, деформация традиционных форм занятости, массовое распространение нестабильных форм трудовых отношений, недостаточный уровень контроля за соблюдением работодателями социальных обязательств оборачиваются процессами прекариатизации труда, в которые вовлечены как мужчины, так и женщины.

Прекариатизации подвергаются женщины, работающие на условиях неполной занятости, недозанятые работницы, женщины, попадающие в гендерно-сегрегированные профессиональные ниши неформальной экономики (торговля, пошив и ремонт одежды, репетиторство, уборка, присмотр и уход за детьми, престрелыми, больными). Причем в последние годы все большее количество квалифицированных женщин с высшим профессиональным образованием попадают в зону прекариатизированного труда.

Мужчины также массово включены в те виды и формы трудовых отношений, которые характеризуются нестабильностью и социальной незащищенностью. Они преобладают среди временно занятых работников, самозанятых, сверхзанятых. За последние 15 лет в неформальной экономике практически в два раза увеличилась доля мужчин, которые занимаются преимущественно строительством, сельскохозяйственными работами, транспортными услугами. Прекариатизируется труд не только мужчин с низкой квалификацией, гастарбайтеров, безработных, но и высококвалифицированных работников, вынужденных соглашаться на понижение зарплаты, увеличение объема и продолжительности труда.

Библиографический список

- Ашвин С. Утверждение мужской идентичности на рынке труда современной России // Рубеж. 2001. № 16—17. URL: <http://ecsocman.hse.ru/rubezh/msg/16962139.html> (дата обращения: 16.08.2016).
- Бобков В. Н., Вередюк О. В., Колосова Р. П., Разумова Т. О. Занятость и социальная прекариатизация в России: введение в анализ. М.: Теис, 2015. 94 с.

- Гасюкова Е. Н.* Прекаризация: концептуальные основания, факторы и оценки. Мир и Россия // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Т. 8, № 6. С. 28—46.
- Гимпельсон В., Капелюшников Р.* Нестандартная занятость и российский рынок труда. Препринт WP3/2005/05. Серия WP3, Проблемы рынка труда // Официальный сайт Высшей школы экономики. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/78491144> (дата обращения: 16.08.2016).
- Голенкова З. Т., Голушова Ю. В.* Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 5—15.
- Калабихина И. Е.* Гендерный фактор в экономическом развитии России. М.: МАКС Пресс, 2009. 240 с.
- Мальцева И. О., Роцин С. Ю.* Гендерная сегрегация и мобильность на российском рынке труда. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 296 с.
- Мещеркина Е.* Бытие мужского сознания: опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса // О муже(N)ственности / под ред. С. Ушакина. М.: Новое лит. обозрение, 2002. С. 268—287.
- Наемный работник в современной России / отв. ред. З. Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2015. 368 с.
- Нуреев Р. М., Ахмадеев Д. Р.* Классификация неформальной занятости и методы ее оценки // Terra Economicus. 2015. Т. 13, № 1. С. 14—29.
- Российское общество и вызовы времени / отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М.: Весь Мир, 2015. Кн. 2. 432 с.
- Россия: неформальная занятость как новый феномен / Центр макроэкономических исследований Сбербанка России. 2014. 14 февр. URL: <https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/analytics/2014/neformaltrudF.pdf> (дата обращения: 13.08.2016).
- Роцин С. Ю., Солнцев С. А.* Кто преодолевает «стеклянный потолок»: вертикальная гендерная сегрегация в российской экономике // Высшая школа экономики. Серия WP4, Социология рынков. 2006. № 3. С. 3—49.
- Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем, 2014. 59 с.
- Тартаковская И. Н.* Мужчины на рынке труда // Социологический журнал. 2002. № 3. С. 112—125.
- Товкайло М.* Голодец: 38 млн россиян заняты «непонятно где и чем» // Ведомости. 2013. 3 апр. URL: https://www.vedomosti.ru/management/articles/2013/04/03/vicepremer_golodec_38 mln_rossiyan_zanyaty_neponyatno_gde_i (дата обращения: 09.08.2016).
- Тоценко Ж. Т.* Прекариат — новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3—13.
- Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. 2015. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 19.08.2016).
- Федорова Е. П., Яковлева А. В.* Неформальная занятость в России: тенденции, причины // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2014. № 2. С. 99—105.
- Хоткина З. А.* Гендерная дискриминация в неформальной экономике // Гендерное равенство: поиски решения старых проблем. М.: Междунар. орг. труда, 2003. С. 27—50.
- Цыганкова И. В., Базжина В. А., Никишина О. Ю.* Развитие нестандартных форм занятости в современной России // Российское предпринимательство. 2004. № 24 (270). С. 71—86.
- Шкартан О. И., Карачаровский В. В., Гасюкова Е. Н.* Прекариат: теория и эмпирический анализ: (на материалах опросов в России, 1994—2013) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 99—110.

- Gialis S., Tsampra M. The diverse regional patterns of atypical employment in Greece: production restructuring, re/deregulation and flexicurity under crisis // *Geoforum*. 2015. № 62. P. 175—187.
- Kidder J. L. Hollywood, bike messengers, and the new economy // *Critical Sociology*. 2016. № 42 (2). P. 307—322.
- Pilling D. Japan is creating jobs but workers do not prosper. Casualisation of the workforce is stifling the reflationary experiment // *Financial Times*. 2014. 10th September.

References

- Ashvin, S. (2001) Utverzhdenie muzhskoi identichnosti na rynke truda sovremennoi Rossii [The assertion of male identity in the labor market of modern Russia], *Rubezh*, no. 16—17, available from <http://ecsocman.hse.ru/rubezh/msg/16962139.html> (accessed 16.08.2016).
- Bobkov, V. N., Verediuk, O. V., Kolosova, R. P., Razumova, T. O. (2015) *Zaniatost' i sotsial'naiya prekarizatsiia v Rossii: vvedenie v analiz* [Employment and social precarization work in Russia: an introduction to analysis], Moscow: Teis.
- Federal'naiya sluzhba gosudarstvennoi statistiki* (2015) [Federal state statistics service], available from <http://www.gks.ru> (accessed 19.08.2016).
- Fedorova, E. P., Iakovleva, A. V. (2014) Neformal'naiya zaniatost' v Rossii: tendentsii, prichiny [Informal employment in Russia: trends, causes], *Nauchnyi zhurnal Nauchno-issledovatel'skogo universiteta informatsionnykh tekhnologii mekhaniki i optiki, seriia Ekonomika i ekologicheskiĭ menedzhment*, no. 1, pp. 99—105.
- Gasiukova, E. N. (2015) Prekarizatsiia: kontseptual'nye osnovaniia, faktory i otsenki. Mir i Rossiia [Precarization: conceptual bases, factors and evaluation. The world and Russia], *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*, vol. 8, no. 6, pp. 28—46.
- Gialis, S., Tsampra, M. (2015) The diverse regional patterns of atypical employment in Greece: production restructuring, re/deregulation and flexicurity under crisis, *Geoforum*, no. 62, pp. 175—187.
- Gimpel'son, V., Kapeliushnikov, R. (2005) Nestandardnaia zaniatost' i rossiiskii ryok truda. Preprint WP3/2005/05. Serii WP3, Problemy rynka truda [Nonstandard work and the Russian labor market. Preprint WP3/2005/05. Series WP3, Problems of the labour market], *Ofitsial'nyi sait Vysheĭ shkoly ekonomiki*, available from <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/78491144> (accessed 16.08.2016).
- Golenkova, Z. T., Goliusova, Iu. V. (2013) Novye sotsial'nye gruppy v sovremennykh stratifikatsionnykh sistemakh global'nogo obshchestva [New social groups in today's global society stratification systems], *Sotsiologicheskaiya nauka i sotsial'naiya praktika*, no. 3, pp. 5—15.
- Golenkova, Z. T. (ed.) (2015) *Naemnyi rabotnik v sovremennoi Rossii* [Hired worker in modern Russia], Moscow: Novyi khronograf.
- Gorshkov, M. K., Petukhov, V. V. (eds) (2015) *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni* [Russian society and the challenges of the times], Moscow: Ves' Mir, vol. 2.
- Hotkina, Z. A. (2003) Gendernaia diskriminatsiia v neformal'noi ekonomike [Gender discrimination in the informal economy], in: *Gendernoe ravenstvo: poiski resheniia starykh problem*, Moscow: Mezhdunarodnaia organizatsiia truda, pp. 27—50.
- Kalabikhina, I. E. (2009) *Gendernyi faktor v ekonomicheskom razvitii Rossii* [Gender factor in the economic development of Russia], Moscow: MAKS Press.
- Kidder, J. L. (2016) Hollywood, bike messengers, and the new economy, *Critical Sociology*, no. 42 (2), pp. 307—322.

- Mal'tseva, I. O., Roshchin, S. Iu. (2007) *Gendernaia segregatsiia i mobil'nost' na rossiiskom rynke truda* [Gender segregation and mobility on the Russian labor market], Moscow: GU VShE.
- Meshcherkina, E. (2002) Bytie muzhskogo soznaniia: opyt rekonstruktsii maskulinnoï identichnosti srednego i rabocheho klassa [Being male consciousness: experience of reconstruction of masculine identity of the middle and working class], in: Ushakin, S. (ed.) *O muzhe(N)stvennosti*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 268—287.
- Nureev, R. M., Akhmadeev, D. R. (2015) Klassifikatsiia neformal'noi zaniatosti i metody ee otsenki [The classification of informal employment and methods of evaluation], *Terra Economicus*, vol. 13, no. 1, pp. 14—29.
- Pilling, D. (2014) Japan is creating jobs but workers do not prosper. Casualisation of the workforce is stifling the reflationary experiment, *Financial Times*, 10 September.
- Roshchin, S. Iu., Solntsev, S. A. (2006) Kto preodolevaet “stekliannyi potolok”: vertikal'naia gendernaia segregatsiia v rossiiskoi ekonomike [Who overcomes the “glass ceiling”: the vertical gender segregation in the Russian economy], *Vysshaia shkola ekonomiki*, seriia WP4, Sotsiologiia rynkov, no. 3, pp. 3—49.
- Rossii: neformal'naia zaniatost' kak novyi fenomen (2014) [Russia: informal employment as a new phenomenon], available from <https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/analytics/2014/neformaltrudF.pdf> (accessed 13.08.2016).
- Shkaratan, O. I., Karacharovskii, V. V., Gasiukova, E. N. (2015) Prekariat: teoriia i empiricheskiï analiz: (Na materialakh oprosov v Rossii, 1994—2013) [Prekariat: theory and empirical analysis: (On materials of surveys in Russia, 1994—2013)], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 12, pp. 99—110.
- Stëding, G. (2014) *Prekariat: novyi opasnyi klass* [Prekariat: a new dangerous class], Moscow: Ad Marginem.
- Tartakovskaia, I. N. (2002) Muzhchiny na rynke truda [The men on the labor market], *Sotsiologicheskiï zhurnal*, no. 3, pp. 112—125.
- Toshchenko, Zh. T. (2015) Prekariat — novyi social'nyi klass [Prekariat is a new social class], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 6, pp. 3—13.
- Tovkaïlo, M. (2013) Golodets: 38 mln rossiian zaniaty “neponiatno gde i chem” [Golodets: 38 millions Russians are busy “unclear where and what”], *Vedomosti*, 3 April, available from https://www.vedomosti.ru/management/articles/2013/04/03/vicepremer_golodec_38 mln_rossiyan_zanyaty_neponyatno_gde_i (accessed 09.08.2016).
- Tsygankova, I. V., Bazzhina, V. A., Nikishina, O. Iu. (2004) Razvitie nestandartnykh form zaniatosti v sovremennoi Rossii [Development of nonstandard forms of employment in modern Russia], *Rossiiskoe predprinimatel'stvo*, no. 24 (270), pp. 71—86.

Статья поступила 17.10.2016 г.